

Симдянкина Юлия Сергеевна

магистрант

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»

г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема кибербуллинга в образовательной среде как ключевого вызова современности. Анализируются отличия от традиционного буллинга, роли (агрессоры, жертвы, свидетели, защитники), факторы: ИИ-дипфейки, алгоритмы соцсетей, утечки данных. Предложены профилактические меры: развитие цифровой грамотности/этики, психологически безопасная среда, работа со свидетелями, мониторинг, медиация, взаимодействие семьи/школы, интерактивные программы для эмоциональной саморегуляции и просоциальности. Материалы полезны для педагогов, психологов при создании программ психологической безопасности.*

***Ключевые слова:** кибербуллинг, буллинг, образовательная среда, профилактика, подростки, цифровая грамотность, психологическая безопасность, свидетели буллинга, дипфейки, социальные сети.*

Современное образование сталкивается с вызовами, которые еще два десятилетия назад казались второстепенными. Одним из наиболее тревожных явлений стал буллинг и его цифровая форма – кибербуллинг. Если традиционная травля ограничена пространством школы или двора, то кибербуллинг проникает в личное пространство ребенка через экран смартфона, действуя круглосуточно и анонимно. Это превращает проблему из педагогической в социально-управленческую, требующую комплексного подхода и межведомственного взаимодействия.

Актуальность темы подтверждается масштабом распространения явления. Согласно данным проекта «Буллинг.NET» при Министерстве просвещения РФ,

58% российских школьников в возрасте 12–17 лет хотя бы раз сталкивались с буллингом, причем 42% из них подвергались именно кибербуллингу. В 80% случаев травля происходит в социальных сетях и мессенджерах. Эти цифры отражают ситуацию 2023–2024 годов и показывают, что каждый пятый подросток (20%) является систематической жертвой травли. На международном уровне картина не менее тревожная: исследование Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 2024 года, охватившее 44 страны, выявило, что каждый шестой ребенок школьного возраста подвергается кибербуллингу.

Однако проблема не стоит на месте – она трансформируется под влиянием новых технологий и социально-политического контекста. Появление доступных нейросетей, способных создавать реалистичные дипфейки (в том числе так называемые «раздевающие» приложения), открыло новые возможности для травли. Методы, ранее использовавшиеся в политических провокациях, теперь применяются подростками для унижения сверстников. Кроме того, исследователи фиксируют связь кибербуллинга с повседневным цифровым поведением: например, феномен «академического киберлафинга» (использования телефона на уроках в личных целях) обнаруживает корреляцию с вовлеченностью в онлайн-агрессию.

При этом система профилактики остается фрагментированной. В российском законодательстве до сих пор отсутствует отдельный федеральный закон о буллинге, хотя Указ Президента №358 от 17 мая 2023 года впервые квалифицировал это явление как угрозу благополучию несовершеннолетних [1]. В Государственной Думе находятся два разнонаправленных законопроекта: один делает упор на профилактику, другой – на штрафы, что отражает отсутствие единой концепции [1]. На уровне образовательных организаций меры чаще всего направлены на работу с агрессором и жертвой, тогда как свидетели, составляющие большинство участников ситуации, остаются вне поля внимания. Исследование уральских ученых показывает: только 17% свидетелей пытаются остановить буллера, остальные предпочитают не вмешиваться [7]. Это указывает на необходимость смещения фокуса профилактики.

Таким образом, сложилось противоречие: с одной стороны, масштабы кибербуллинга растут, появляются новые угрозы (ИИ, дипфейки, правовая неопределенность); с другой стороны, существующие меры реагирования носят разрозненный характер, не учитывают роли всех участников и отстают от технологического прогресса. В этих условиях особую значимость приобретает комплексный анализ современного состояния кибербуллинга в образовательной среде, выявление новых факторов его распространения и поиск эффективных направлений профилактической работы, опирающихся как на актуальные научные данные, так и на эмпирические исследования среди молодежи.

Феномен травли в детских и подростковых коллективах привлек внимание исследователей во второй половине XX века. Одним из первых системное описание буллинга предложил норвежский психолог Д. Олвеус, определивший его как преднамеренное, повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство власти или силы между агрессором и жертвой. Согласно классическому определению, буллинг характеризуется тремя обязательными признаками: намеренностью действий обидчика, систематичностью (повторяемостью) и дисбалансом сил (физическим или психологическим превосходством агрессора) [5].

Как отмечают исследователи, «буллинг – это не просто конфликт между двумя учащимися, а системная проблема, затрагивающая весь коллектив и требующая комплексного подхода к решению» [2]. В отличие от обычной ссоры, где стороны примерно равны, в ситуации буллинга жертва заведомо слабее и не может дать отпор, а агрессивные действия повторяются систематически [5].

Развитие цифровых технологий и повсеместное распространение интернета привели к появлению новой формы травли – кибербуллинга. Под кибербуллингом понимают умышленные агрессивные действия, осуществляемые с использованием электронных устройств и цифровых коммуникационных платформ, направленные на причинение вреда человеку. Исследователи подчеркивают, что кибербуллинг обладает рядом специфических характеристик, отличающих его от традиционной травли.

Во-первых, это круглосуточная доступность – жертва не может укрыться от преследования даже в личном пространстве, поскольку интернет сопровождает современного подростка постоянно. Во-вторых, анонимность агрессора – обидчик может скрывать свою личность, используя фейковые аккаунты, что усиливает чувство беспомощности у жертвы. В-третьих, неограниченная аудитория – унижительный контент может быть распространен среди огромного количества зрителей за короткое время. Как отмечается в исследовании Заглодиной и Панкратовой, «кибербуллинг отличается от традиционного тем, что травля не заканчивается за порогом школы, а продолжается в мессенджерах и социальных сетях, вторгаясь в личное пространство ребенка 24 часа в сутки» [4].

Кроме того, для кибербуллинга, в отличие от традиционной травли, не требуются физическая сила или высокий статус в группе – достаточно наличия технических средств и желания причинить вред [4]. Это делает кибербуллинг доступным для более широкого круга лиц. Также исследователи обращают внимание на феномен киберлафинга (использования телефона на уроках в личных целях), который обнаруживает корреляцию с вовлеченностью в онлайн-агрессию: «академический киберлафинг может выступать фактором риска вовлеченности в кибербуллинг, особенно в подростковой среде» [6].

Исследователи выделяют множество форм проявления кибербуллинга, которые могут реализовываться как изолированно, так и в сочетании друг с другом. Обобщая существующие классификации, можно представить следующую типологию.

Флейминг (перепалка) представляет собой обмен короткими эмоциональными репликами оскорбительного характера между двумя или более участниками, обычно в публичных цифровых пространствах [4]. Домогательство (харасмент) – это повторяющиеся оскорбительные сообщения, направленные на жертву, с целью истощить её психологически; оно может включать сотни сообщений в день [1; 4]. Троллинг характеризуется провокационными сообщениями с целью вызвать гнев, раздражение или конфликт; тролль стремится получить эмоциональную реакцию жертвы [1].

Особую группу составляют формы, связанные с распространением информации. Диссинг – это распространение унижительной, порочащей информации о человеке, включая создание оскорбительных мемов, фотожаб, фальшивых скриншотов переписок [1]. Аутинг предполагает публичное раскрытие личной, конфиденциальной информации человека без его согласия (фотографий, переписки, персональных данных) [1; 10]. Разновидностью аутинга является доксинг – публикация личных данных (адрес, номер телефона, паспортные данные) с целью организации преследования в реальной жизни [10].

К формам, связанным с управлением цифровыми аккаунтами, относятся фрейпинг – взлом аккаунта жертвы и публикация от её имени контента, который её компрометирует, и кетфишинг – создание фальшивого профиля с использованием чужих фотографий и данных для вступления в отношения или травли от вымышленного лица [1].

Отдельно исследователи выделяют бойкот или исключение – намеренное исключение человека из групповых чатов, игровых сообществ, совместных онлайн-активностей, игнорирование его сообщений [1; 4]. Киберпреследование представляет собой скрытое выслеживание жертвы в сети с целью запугивания и последующей организации нападения в реальной жизни [4]. Наконец, хеппислепинг – это съемка реального физического избиения жертвы с целью последующего распространения видео в интернете для получения ложной славы [4].

Как отмечается в литературе, перечисленные формы часто переплетаются и усиливают друг друга, создавая для жертвы невыносимые условия существования [4]. При этом с развитием технологий появляются новые угрозы: «использование нейросетей для создания дипфейков, в том числе так называемых «раздевающих» приложений, открыло новую страницу в истории кибербуллинга, сделав инструментом травли технологии, ранее доступные только спецслужбам» [1].

Одним из ключевых открытий в изучении травли стало понимание того, что буллинг – это не проблема двоих (агрессора и жертвы), а системный феномен, затрагивающий весь коллектив [2; 5]. Как подчеркивают эксперты Центра толерантности, «травля – это проблема всего коллектива, который допускает насилие

и агрессию, в котором уже закрепились ценности, позволяющие оскорблять, унижать и травить человека» [2].

В современной психолого-педагогической литературе выделяются следующие основные роли участников буллинга и кибербуллинга.

Агрессор (обидчик, инициатор) – лицо, которое непосредственно инициирует и осуществляет травлю. Исследования показывают, что агрессоры часто характеризуются высокой общей агрессивностью, потребностью в доминировании, низкой эмпатией и равнодушием к чувствам других. При этом у многих из них отмечается заниженная самооценка, которую они пытаются компенсировать за счет унижения окружающих [5; 8]. Для агрессоров характерно оправдание своих действий и убежденность в том, что жертва «сама виновата».

Помощники агрессора – лица, которые активно поддерживают инициатора, подключаются к травле, распространяют оскорбления, создают компрометирующий контент. Помощники, как правило, не действуют самостоятельно, но стремятся заслужить одобрение лидера и самоутвердиться за счет более слабого [5; 8].

Жертва – лицо, подвергающееся агрессивным нападениям. В традиционном буллинге жертвами чаще становятся тревожные, неуверенные в себе дети с низкой самооценкой, имеющие мало друзей [5]. В ситуации кибербуллинга жертвой может стать любой пользователь, независимо от личностных особенностей, в силу специфики цифровой среды [8]. Исследователи выделяют два типа жертв: пассивные (не защищают себя, испытывают страх и вину) и агрессивные (импульсивно реагируют на нападки, сами могут становиться агрессорами по отношению к более слабым) [5].

Защитники – лица, которые пытаются остановить травлю, поддержать жертву, урегулировать конфликт. Для защитников характерны развитая эмпатия, доброта, коммуникабельность, они имеют высокий авторитет в коллективе и менее подвержены риску стать жертвой [5; 8].

Свидетели (наблюдатели) – самая многочисленная группа участников, на чьих глазах происходит травля [2; 5]. Именно свидетели, по мнению исследователей, играют ключевую роль в прекращении или эскалации буллинга. Свидетели

могут занимать разные позиции: активно поддакивать агрессору, молчаливо наблюдать, сочувствовать жертве, но не вмешиваться из страха. Исследование уральских ученых показало, что «только 17% свидетелей пытаются остановить буллера, остальные предпочитают не вмешиваться, что указывает на необходимость смещения фокуса профилактики на работу с наблюдателями» [7]. При этом сами свидетели также испытывают негативные последствия – тревогу, чувство вины, страх оказаться на месте жертвы [5].

Важно подчеркнуть, что роли в ситуации буллинга не являются жестко закрепленными. Под влиянием обстоятельств и атмосферы в коллективе возможны переходы: жертва может стать агрессором, наблюдатель – помощником или защитником [8]. Особую категорию составляют так называемые «хамелеоны», которые выступают то в роли жертвы, то в роли агрессора [8].

Как отмечается в литературе, понимание ролевой структуры имеет принципиальное значение для организации эффективной профилактики. Работа только с агрессором и жертвой, без учета позиции свидетелей и общей атмосферы в коллективе, обречена на провал: «Перемещение жертвы или агрессора в другую школу или коллектив не решит проблему. Потому что в самом коллективе всё ещё отсутствуют ценности решения конфликтов и уважения к личности. В результате рано или поздно возникнут новые агрессоры и новые жертвы» [2].

Современный этап развития кибербуллинга характеризуется появлением новых факторов, которые трансформируют это явление, делая его более сложным для профилактики и преодоления. Если в предыдущем разделе были рассмотрены классические формы и ролевая структура буллинга, то здесь необходимо обратиться к вызовам, возникшим в последние годы под влиянием технологического прогресса и изменений в информационной среде. Как отмечается в литературе, «цифровая трансформация общества привела к появлению новых форм агрессии, которые требуют пересмотра традиционных подходов к профилактике» [1].

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта открыло новые возможности для киберагрессии. Появление доступных нейросетей, способных создавать реалистичные дипфейки, принципиально изменило ландшафт угроз.

Особую тревогу вызывает распространение так называемых «раздевающих» приложений, которые позволяют создавать фейковые обнаженные изображения людей. Как подчеркивают исследователи, «использование нейросетей для создания дипфейков открыло новую страницу в истории кибербуллинга, сделав инструментом травли технологии, ранее доступные только специалистам» [1, с. 160].

Проблема усугубляется тем, что жертвы часто не подозревают о существовании такого контента до тех пор, пока он не получает широкого распространения. При этом удаление подобных материалов чрезвычайно затруднено, а психологический урон сопоставим с последствиями реального насилия. Гаджиева и Магомедова отмечают: «современные подростки сталкиваются с принципиально новыми формами агрессии, которые их родители и педагоги не всегда способны распознать и своевременно пресечь» [5, с. 45].

Другим важным технологическим фактором является проблема анонимности в сети. Пользователи, скрывающиеся за вымышленными именами и фейковыми профилями, чаще позволяют себе агрессивные высказывания и угрозы, не опасаясь последствий. Слабая модерация контента на многих популярных платформах позволяет вредоносным материалам оставаться в сети длительное время, нанося урон репутации и психическому здоровью жертв. В связи с этим в научной литературе обсуждаются различные подходы к регулированию цифрового пространства, направленные на снижение анонимности и усиление ответственности за противоправный контент.

Современная информационная среда характеризуется высоким уровнем конфликтности. Исследователи обращают внимание на то, что алгоритмы социальных сетей способствуют формированию «информационных пузырей», которые изолируют пользователей от альтернативных точек зрения и усиливают эмоциональные реакции [4]. Это создает благоприятную почву для различных форм агрессивного поведения, включая кибербуллинг.

Важным аспектом является влияние повседневного цифрового поведения подростков на вовлеченность в киберагрессию. Сиврикова с соавторами выявили корреляцию между академическим киберлаффингом (использованием телефона на

уроках в личных целях) и участием в онлайн-травле. Авторы подчеркивают, что «феномен киберлафинга требует пересмотра подходов к организации образовательного процесса и профилактике девиантного поведения в цифровой среде» [6].

Кроме того, агрессивная риторика, распространенная в медиа и социальных сетях, неизбежно влияет на подростков, которые усваивают агрессивные паттерны поведения как норму. Это создает дополнительные риски для распространения кибербуллинга в молодежной среде и требует комплексных профилактических мер, включающих развитие цифровой грамотности и критического мышления.

Третьим фактором, усиливающим кибербуллинг, являются массовые утечки персональных данных. Попавшая в открытый доступ личная информация (номера телефонов, адреса, фотографии) может использоваться для организации травли. Особенно уязвимыми оказываются подростки, чьи данные могут стать инструментом для доксинга – публикации личной информации с целью преследования и запугивания.

В научной литературе отмечается, что «правовое регулирование кибербуллинга в разных странах остается неоднородным, что затрудняет выработку единых подходов к профилактике и защите потерпевших» [5]. Это особенно актуально в условиях трансграничного характера интернета, когда агрессор и жертва могут находиться в разных юрисдикциях.

Исследователи подчеркивают необходимость совершенствования механизмов взаимодействия между образовательными организациями, правоохранительными органами и социальными службами. Крушельницкая с соавторами указывают: «эффективная профилактика буллинга требует координации усилий всех участников образовательного процесса и межведомственного подхода» [2]. Только комплексные меры, включающие правовые, организационные и педагогические компоненты, способны обеспечить безопасную образовательную среду.

Таким образом, новые технологические и социальные факторы значительно усложняют проблему кибербуллинга. Их учет необходим при разработке

современных программ профилактики, которые должны быть ориентированы не только на традиционные формы травли, но и на вызовы цифровой эпохи.

Проведенный анализ теоретических источников и результатов эмпирических исследований позволяет сформулировать ряд рекомендаций, направленных на снижение масштабов вовлеченности подростков и молодежи в ситуации кибербуллинга. Предлагаемые меры носят комплексный характер и ориентированы на различные аспекты профилактической работы – от развития цифровых компетенций до укрепления психологической безопасности образовательной среды.

Одним из ключевых направлений профилактики кибербуллинга является повышение уровня цифровой грамотности всех участников образовательного процесса. Как отмечают исследователи, «современные подростки, будучи активными пользователями цифровых устройств, зачастую не обладают достаточными знаниями о правилах безопасного поведения в сети и способах защиты от онлайн-агрессии» [5]. В связи с этим представляется целесообразным:

- включение в образовательные программы модулей, посвященных цифровой безопасности, этике сетевого общения и распознаванию манипулятивных технологий;

- проведение практических занятий, на которых школьники и студенты учатся настраивать приватность аккаунтов, блокировать нежелательные контакты, фиксировать доказательства кибербуллинга;

- развитие критического мышления в отношении информации, распространяемой в социальных сетях, включая навыки верификации изображений и выявления дипфейков.

«Формирование осознанного отношения к использованию цифровых устройств в учебное время может снизить риски вовлеченности в деструктивные онлайн-практики» [6]. Это предполагает не запретительные меры, а выработку у обучающихся культуры ответственного поведения в цифровой среде.

Исследования убедительно доказывают связь между социально-психологическим климатом в образовательной организации и распространенностью буллинга. Крушельницкая и соавторы указывают: «чем выше уровень доверия,

безопасности и уважения в отношениях между участниками образовательного процесса, тем реже фиксируются случаи травли» [2]. Для укрепления психологической безопасности целесообразно:

- проведение регулярных мониторингов социально-психологического климата в классах и студенческих группах;
- организация тренингов по развитию коммуникативных навыков, эмпатии, конструктивному разрешению конфликтов;
- поддержка позитивных межличностных отношений через совместные внеучебные мероприятия, проектную и волонтерскую деятельность.

Особое значение имеет формирование в коллективе ценностей взаимопомощи и нетерпимости к любым формам унижения. Как отмечается в литературе, «профилактика буллинга должна быть направлена не столько на борьбу с агрессорами, сколько на создание среды, в которой агрессивное поведение становится невозможным или социально неприемлемым» [2].

Свидетели составляют самую многочисленную группу участников буллинга, и именно их позиция во многом определяет, будет ли агрессивное поведение закрепляться или пресекаться. В связи с этим рекомендуется:

- проведение просветительской работы, направленной на осознание свидетелями своей роли и ответственности;
- обучение безопасным стратегиям вмешательства (обращение к взрослым, поддержка жертвы, коллективный отказ от участия в травле);
- создание систем поощрения просоциального поведения, когда помощь другим становится ценностью, разделяемой коллективом.

Как подчеркивают исследователи, внимание к позиции наблюдателей может стать важным резервом повышения эффективности профилактических программ, поскольку именно их реакция способна либо остановить травлю, либо способствовать ее продолжению.

Семья играет важнейшую роль в формировании у ребенка навыков безопасного поведения в сети и устойчивости к агрессивным воздействиям. Гаджиева и Магомедова отмечают, что «родители часто оказываются не готовы к тому, чтобы

помочь ребенку справиться с кибербуллингом, поскольку сами недостаточно информированы о цифровых угрозах» [5]. Для преодоления этого разрыва целесообразно:

- проведение для родителей просветительских мероприятий о специфике кибербуллинга, его признаках и последствиях;
- информирование о ресурсах психологической помощи и способах защиты детей в цифровой среде;
- вовлечение родителей в совместные с детьми мероприятия, направленные на развитие цифровой грамотности и позитивного общения.

Важно, чтобы взаимодействие семьи и школы строилось на принципах партнерства и взаимного доверия, а не на поиске виноватых в случае возникновения конфликтных ситуаций.

Своевременное обращение за психологической помощью может предотвратить тяжелые последствия кибербуллинга для всех его участников – жертв, агрессоров и свидетелей. В образовательных организациях рекомендуется:

- обеспечить доступность психологической помощи, включая возможность анонимных обращений;
- развивать деятельность школьных служб медиации (примирения), ориентированных на восстановительный подход к разрешению конфликтов;
- организовать горячие линии и онлайн-консультации по вопросам кибербезопасности.

Как показывает опыт реализации антибуллинговых программ, «наиболее эффективными являются комплексные меры, сочетающие психологическую поддержку, правовое просвещение и развитие навыков конструктивного взаимодействия» [4].

Предупреждение кибербуллинга невозможно без систематического наблюдения за ситуацией в детских и молодежных коллективах. Рекомендуется:

- проведение регулярных анонимных опросов обучающихся о случаях столкновения с кибербуллингом;

– использование валидированных методик для оценки психологического климата и уровня агрессии;

– обучение педагогов и психологов методам раннего выявления признаков травли (изменение поведения ребенка, снижение успеваемости, нежелание идти в школу).

Своевременное выявление проблемы позволяет начать работу на ранних стадиях, не допуская эскалации конфликта и тяжелых последствий для участников.

Проблема кибербуллинга в образовательной среде приобретает в последние годы особую остроту. Масштабы распространения явления, подтвержденные актуальными исследованиями, свидетельствуют о том, что более половины российских школьников (58%) сталкивались с различными формами буллинга, при этом кибербуллинг занимает значительную долю – 42% случаев, преимущественно в социальных сетях и мессенджерах [5]. На международном уровне каждый шестой ребенок школьного возраста подвергается онлайн-травле [2]. Эти цифры указывают на системный характер проблемы, требующий комплексных профилактических мер.

Анализ сущностных характеристик кибербуллинга показывает, что, сохраняя основные признаки традиционной травли (намеренность, систематичность, неравенство сил), он обладает рядом специфических черт: круглосуточная доступность, анонимность агрессора, неограниченная аудитория и трудность удаления компрометирующей информации [4]. В ролевой структуре буллинга ключевое значение имеют не только агрессоры и жертвы, но и свидетели – самая многочисленная группа, от позиции которой зависит прекращение или эскалация агрессии [2]. Многообразие форм кибербуллинга (от флейминга до использования дипфейков) требует постоянного обновления знаний о способах противодействия [1; 6].

В современных условиях появляются новые факторы, усиливающие кибербуллинг. Развитие технологий искусственного интеллекта привело к возможности создания реалистичных дипфейков, используемых для травли [1]. Социальные факторы, такие как влияние алгоритмов социальных сетей, формирующих

«информационные пузыри», и распространение агрессивной риторики в медиа, также способствуют росту конфликтности в молодежной среде [4]. Утечки персональных данных создают дополнительные риски использования личной информации в целях преследования [5].

На основе обобщения теоретических данных и существующего опыта профилактической работы предложены направления, способствующие снижению вовлеченности молодежи в кибербуллинг. Ключевыми из них являются: повышение цифровой грамотности и критического мышления обучающихся; создание психологически безопасной образовательной среды; усиление работы со свидетелями как важнейшим ресурсом прекращения травли; укрепление взаимодействия семьи и образовательной организации; развитие служб психологической поддержки и медиации; систематический мониторинг для раннего выявления случаев кибербуллинга.

Эффективная профилактика возможна только при комплексном подходе, объединяющем усилия педагогов, психологов, родителей и самих обучающихся. Как подчеркивается в литературе, профилактика должна быть направлена на создание среды, в которой агрессивное поведение становится социально неприемлемым [2]. Формирование ценностей взаимопомощи, уважения к личности и ответственного поведения в цифровом пространстве является долгосрочной задачей, требующей последовательной работы.

Дальнейшие исследования могут быть посвящены оценке эффективности конкретных профилактических программ, адаптации зарубежного опыта, а также изучению влияния новых технологий (искусственного интеллекта, виртуальной реальности) на характер киберагрессии.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что кибербуллинг представляет собой сложный, динамично развивающийся феномен, требующий постоянного внимания сообразовательного сообщества. Предложенные рекомендации могут быть использованы в практической деятельности педагогов, психологов, социальных работников, а также при разработке образовательных

программ и методических материалов по обеспечению психологической безопасности обучающихся.

Список литературы

1. Власова Е.Л. Законодательные инициативы и стратегия комплексной безопасности детей в РФ: комплексный подход к противодействию буллингу / Е.Л. Власова // *Baikal Research Journal*. – 2025. – Т. 16. №4. – С. 158–164.
2. Гаджиева М.А. Тишина боли: цифровая и реальная агрессия в подростковой среде России и Дагестана в 2023–2024 гг. / М.А. Гаджиева, А.А. Магомедова // *Юный ученый*. – 2025. – №3. – С. 44–49.
3. Заглодина Т.А. Кибербуллинг в образовательном процессе: опыт исследования в студенческой среде / Т.А. Заглодина, Л.Э. Панкратова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2021. – №2. – С. 45–52.
4. Профилактика школьного буллинга как фактор безопасности образовательной среды / О.Б. Крушельницкая, Т.Ю. Маринова, В.А. Орлов, В.Б. Сластина // *Современная зарубежная психология*. – 2025. – Т. 14. №2. – С. 42–51. DOI 10.17759/jmfp.2025140208. EDN XQNRMM
5. Москаленко О.Л. Буллинг и кибербуллинг у детей и подростков: признаки, виды, формы, профилактика (обзор литературы) / О.Л. Москаленко // *Vekhterev Review*. – 2025. – №2. – С. 50–62.
6. Назаров В.Л. Буллинг и кибербуллинг в современной школе / В.Л. Назаров, Н.В. Авербух, А.В. Буйначева // *Образование и наука*. – 2022. – Т. 24. №7. – С. 45–67.
7. Новикова М.А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом / М.А. Новикова, А.А. Реан, И.А. Коновалов // *Вопросы образования*. – 2021. – №3. – С. 62–83. DOI 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90. EDN UAIWHS

8. Сиврикова Н.В. Взаимосвязь академического киберлафинга и кибербуллинга / Н.В. Сиврикова, Т.Г. Пташко, А.Е. Перебейнос // Психологическая наука и образование. – 2025. – Т. 30. №1. – С. 108–118. DOI 10.17759/pse.2025300111. EDN PDZJNF